

В. Б. Виноградов, Т. С. Магомадова

**О МЕСТЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО РАССЕЛЕНИЯ
ГРЕБЕНСКИХ КАЗАКОВ**

В Центральном государственном архиве древних актов в Москве в фонде Г. Ф. Миллера имеется рукопись, озаглавленная «Описание гребенских казаков». Этот документ был опубликован М. О. Косвеном¹, который установил его приблизительную датировку. «Описание...» было составлено, по мнению М. О. Косвена, русским офицером, квартировавшим в гребенском селении примерно в 40-х годах XVIII в. Исследовательская работа над документом затрудняется тем, что это не оригинал, а незаверенная копия. Тем не менее «Описание...» представляет большую ценность, так как дает историко-этнографическое описание одной из групп русского народа. М. О. Косвен писал, что «иных подобных документов, относящихся к русскому народу, литература XVIII века не знает». «Описание гребенских казаков» имело приложение из планов и рисунков, которые, к сожалению, не сохранились.

Документ состоит из двух частей — исторической и этнографической. Нас в данном случае больше интересует историческая сторона «Описания», точнее — приведенные в ней географические названия местностей, где первоначально поселились «беглые российские люди» — гребенские казаки. Поскольку поселились они «не на тех местах, где они ныне имеют свое жительство, но за Терком в гребнях [то есть в горах]² и в ущельях, а именно в урочищах голого гребня, в ущелье в Павловом, при гребне и ущелье ж Кашланавском и при Пименавском дубе, который и донныне ниже Балсур или Ортан реки, при Терке реке ж, по коим местам гребенскими казаками и пронменовались. Но по частым и усиленным на них тамо от соседственных горских народов нападениям и причиняемым им всегда беспокойствам, со ущербом людей и скота, принуждены были оттоль вытти и переселиться по Терку реке деревнями, а именно Курдюкова, Глаткова и Шадрина, по прозваниям отсадчиков (отселившихся)³ своих. На вышеописанных же местах по их выходе поселились и завладели балсурцы, или карабулаки, чеченцы и гребенчуки».

Документ достаточно широко известен и неоднократно цитировался⁴. Но хотя достоверность его содержания не подвергалась сомнению и ценность его очевидна, никто не занимался его анализом, который, возможно, прояснил бы некоторые неясные вопросы о «первоначальном жителстве» беглых российских людей на территории Чечено-Ингушетии. Мы впервые попытались предпринять это.

¹ М. О. Косвен, Описание гребенских казаков XVIII века, «Исторический архив», 1958, № 5, стр. 181—184; его же, Этнография и история Кавказа. М., 1961, стр. 245—248.

² В квадратных скобках даны пояснения самого автора «Описания гребенских казаков».

³ В круглых скобках — пояснение М. О. Косвена.

⁴ См., например: Б. А. Калоев, Из истории русско-чеченских экономических связей, «Сов. этнография», 1961, № 1, стр. 43; Н. П. Гриценко, Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в., «Труды Чечено-Ингушского НИИ», т. IV, Грозный, 1961, стр. 16; его же, Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом, Грозный, 1965, стр. 13; Е. Н. Кушева, Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI—XVII веках, М., 1963, стр. 292, и др.

М. О. Косвен с сожалением констатировал: «Автор „Описания гребенских казаков” на документе не обозначен и установить его сейчас нет возможности». Полагаем, что это заключение неоправданно пессимистично. М. О. Косвен, опираясь на содержание документа, его язык и стиль, подчеркивал, что автор — хорошо образованный человек, вероятно, русский офицер. Кроме того, он, по-видимому, умел хорошо рисовать (в документе читаем: «мушины на татарское обыкновение платья носят, как значат приложенные при сем рисунки»), а особое внимание к архитектуре и планировке гребенских поселений, которое выразилось не только в подробных словесных описаниях, но и в соответствующих чертежах («понеже весьма не регулярно строено, как значится на приложенных при сем планах»), выдает в нем человека, хорошо знакомого с принципами современного ему домо- и градостроительства различных областей России. Это весьма существенно.

М. О. Косвен склонялся к мысли, что автор документа — офицер, «квартировавший в гребенском селении». Думаем, что скорее — это человек, хорошо знавший быт гребенцов, но постоянно живший не среди них, а в Кизляре. Не случайно, начиная свой рассказ о гребенцах, он подчеркивает, что они «находятся в кизлярском ведомстве» и что о месте их первоначального поселения «при Кизляре... никакого письменного известия не имеется». Кроме того, не нужно забывать, что вместе с «Описанием гребенских казаков» в портфеле Г. Ф. Миллера имеются еще три документа («Об андреевских и аксайских владельцах», «О народах степных», «О городе Терках») и был еще один («О князьях Евгалычевых»), упоминание о котором сохранилось в архивном перечне. М. О. Косвен неоспоримо доказал, что написаны они тем же автором, что и первый документ. Подобная широта интересов, подкрепленная солидной эрудицией, свидетельствует о незаурядной информированности автора относительно положения дел на всем Северо-Восточном Кавказе. Это было доступно скорее обитателю местного административного центра, нежели «квартиранту» рядовой казачьей станицы.

Мы согласны с датировкой документа, предложенной М. О. Косвеном («В тексте записки „О Терках” содержится упоминание царицы Анны Иоанновны, с поминальным ее титулованием. Это заставляет датировать наши документы временем после смерти Анны Иоанновны, т. е. после 1740 года»)⁵. Документы известны в копии, писанной «почерком середины XVIII века», и можно думать, что подлинники были чуть древнее, но не ранее 1735 г. (времени построения Кизляра). Известно, что так называемые «портфели» Г. Ф. Миллера укомплектовывались копиями архивного материала в 1733—1743 гг.⁶ Учитывая все сказанное, можно считать, что копия «Описания гребенских казаков» была снята в 1741—1743 гг.

Полагаем, что документы, копии которых попали в архив Г. Ф. Миллера, были написаны А. Ригельманом, одним из ранних знатоков истории казачества. А. Ригельман — офицер русской армии, инженер по специальности (он вышел в отставку в чине инженер-генерал-майора и кавалера)⁷. В 1735 г. А. Ригельман руководил строительством города Кизляра, который в политико-административном отношении заменил г. Терки на р. Тюменке. Образованнейший офицер своего времени, А. Ригельман не ограничивался лишь выполнением своего служебного

⁵ М. О. Косвен, Указ. раб., стр. 247—248.

⁶ См.: «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР», Указатель, т. I, М., 1962, стр. 453.

⁷ См.: А. Ригельман, История или повествование о донских казаках, отколь и когда они начало свое имеют, и в какое время и из каких людей на Дону поселились, какие их были дела и чем прославились и проч. Собранный и составленный из многих вернейших российских и иностранных историй, летописей, древних дворцовых записок и из журнала Петра Великого чрез труды инженер-генерал-майора и кавалера Александра Ригельмана 1778 года М., 1846.

долга: он тщательно собирал разнообразные материалы по истории казачества, в том числе гребенского и терского. В 1758 г. он подготовил книгу «Изъяснение о Кизлярской крепости». К сожалению, она не была издана, и рукопись ее пока не найдена. Однако ясно, что, говоря о предыстории строительства Кизляра, автор не мог не коснуться различных сторон местной истории и, конечно же, истории города Терки. А именно эти сюжеты и составляют содержание упомянутых выше документов.

Позднее А. Ригельман скрупулезно собирал и изучал материалы о казачестве юга России. Итогом его этой многолетней работы стал труд, завершённый им в 1778 г., но опубликованный лишь в 1846 г.⁸ Эта работа давно уже стала настольной книгой исследователей истории гребенского и терского казачества⁹. Но никто из историков, занимавшихся этим вопросом после упомянутой публикации М. О. Косвена, не обратил внимания на поразительное сходство, легко обнаруживаемое при сопоставлении текстов раздела книги А. Ригельмана «Гребенские казаки» и рукописного «Описания гребенских казаков», а также на оформление обоих источников. А. Ригельман в своем сочинении о донских казаках приводит рисунки с изображением одежды казаков и казачек, а также план и карту столярного города донской земли — Черкаска. Подобные приложения (касающиеся гребенцов и города Терки) упоминаются и в тексте «Описания гребенских казаков». А насколько сходны тексты источников, можно судить по следующему сопоставлению.

«Описание гребенских казаков»

«По объявлениям же настоящих терских старых жителей или старожилов сказано... что первоначальное жительство свое имели не на тех местах, где они ныне имют; но за Терком в Гребнях [то есть в горах] и в ущельях, а именно в урочищах голого гребня, в ущелье Павловом, при гребне и ущелье же Кашланавском и при Пименавском дубе, который и донныне ниже Балсур или Ортан реки, при Терке реке ж, по коим местам гребенскими казаками и проименовались.

Но по частым и усиленным на них тамо от соседственных горских народов нападениям и причиняемым им всегда беспокойствам, со ущербом людей и скота принуждены были оттоль вытти и переселиться по Терку реке деревнями, а именно Курдюкова, Глаткова и Шадрина, по прозваниям отсадчиков (отселившихся) своих... А потом прибавилось их и от беглых стрельцов и тако наконец, за утеснением их жилищ, хотя и целыми городками те деревни сделались принуждены были еще два городка построить. Новоглаткой и Червленой, с которого времени стало их пять станиц... Ныне ж числом их комплекта в пяти городках состоит кроме неслужащих пять сот человек при одном атамане и обыкновенных старших своих...».

«...Какие ж воровские казаки были, тем свидетельствуют их известным и донныне именами, находящиеся по Терку, Аксаю, Канбулату и прочим рекам запустелые городищи, яко от Сеньки Разина, Андриюшки Килбака, Костека (Костек был атаман разбойничей из беглых донских казаков,

«Гребенские казаки»

«...первоначальное убежище таковых беглецов было по объявлению гребенских старожилов за Терком в самой нынешней Кабарде и части Кумыцкого владения в гребнях, в урочищах: Голого гребня, в ущельях в Павловом при Гребне и ущелье Кашлаковском и при Пимоновом Дубе. Оные урочища звания свои получили от начальников тех беглецов.

После того, когда по частным на них от живущих близ их горских людей набегам чинились им беспокойства и ущерб людям и скоту принуждены из тех мест вытти и поселились на сей стороне реки Терка ж, тремя деревнями: Кордюкова, Гладкова и Шадрин по названиям осадчиков своих. Потом для лучшей безопасности своей огородили и укрепили деревянными заплотами и именовать стали их городками. По сем, когда их приумножилось... за утеснением к житию их жилищ, построили еще два городка Новоглаткой и Червленой, и с оного времени стало их пять станиц, и донныне находятся. Их на жалование состоит 500 казаков при одном войсковом атамане со старшинами...»

«...сам Заруцкий с Маринкою и с сообщенниками своими бежал на Яик, а прочие за Волгу и там за Терком рекою в Гребнях, т. е. в горах и ущельях, с такими же воровскими гребенскими казаками поселились, а потом от разбойника Андриюшки Килбака, затем от бежавших же с До-

⁸ А. Ригельман, Указ. раб.

⁹ См., например, В. А. Потто, Два века терского казачества (1577—1801), т. 1, Владикавказ, 1912; И. Кравцов, Очерк о начале Терского казачьего войска, Харьков, 1882; Л. Б. Заседателяева, К истории формирования терского казачества, «Вестник Московского ун-та», 1969, № 3, и др.

который по указу полковником Тушевым, купно с терским атаманом Федором Киреевым с командою 1697 году пойман с немалым числом шайки его разбойников и отведен до Астрахани, а городок разорен) и прочих разбойников, притом и бывшие кумские казаки, где нынче состоят неизвестно...» и т. д.

пу 1629-го и 1658-го, для раскола, также от шайки разбойника Стеньки Разина, от 1671-го и от оставшейся артели разбойника ж, бывшего в 1687 году, на Куме реке, потом близ Каспийского моря на Есулаке, Костюка, и от бывших в 1698 годах, ушедших же бунтовщиков стрельцов, наконец бежавших же для раскола же с Дону кумских казаков..» и т. д.

Сразу же оговорим, что орфографические (Кашлановское — Кашлаковское, Пименав — Пимонов, Новоглаткой — Новогладкой, Курдюкова — Кордюкова и т. д.) и стилистические несоответствия можно отнести за счет переписчиков, позднейшей авторской правки, а также, возможно, правки редактора середины XIX в., готовившего к изданию рукопись А. Ригельмана.

Объяснимы и некоторые смысловые различия текстов. Так, мы думаем, что в книге А. Ригельмана исчезли слова, поясняющие местоположение Пименова дуба, потому что дуб, существовавший еще в 40-е годы XVIII в., мог не уцелеть в последующие сто лет.

Более обстоятельное в книге Г. Ригельмана описание, насыщенное датами и «праведным» гневом к «разбойникам», «шайкам», «бунтовщикам», «раскольникам» и т. п., пополнявшим ряды гребенцов, станет понятным, если учесть, что труд А. Ригельмана был завершен в 1778 г., т. е. буквально вслед за казачье-крестьянским движением Пугачева, потрясшим основы Российской империи. Верноподанный генерал-помещик не мог не связать эту грандиозную вспышку борьбы с «извечными» казачьими бунтами.

Все историки признают уникальность источников и сведений А. Ригельмана о гребенцах. И все это вместе позволяет нам считать, что неизвестный переписчик середины XVIII в. сохранил для архива Г. Ф. Миллера копию тех сведений, которые собирал и записывал А. Ригельман, намеревавшийся впервые написать историю казачества.

Напомним о высокой и справедливой оценке «Описания гребенских казаков», данной М. О. Косвеню, и сопоставим ее с мнением И. Кравцова о труде А. Ригельмана: «...эта история тем драгоценнее в данном случае, что она написана, или материалы для нее, по крайней мере, собраны были автором во время построения Кизлярской крепости..., когда от появления гребенцов за Тереком прошло... не более полтора века...»¹⁰. Оба исследователя правы: в 30—40-е годы XVIII в. память о событиях XVI в. была хотя и сглажена временем, но еще достаточно свежа, чтобы предания старожилы могли рассматриваться как правдивый рассказ о первых годах истории их предков на Северном Кавказе¹¹. Заметим вместе с тем, что и сведения А. Ригельмана и в существенной части дублирующие их более ранние сообщения И. Г. Гербера¹² отражают события давно прошедшие, о которых гребенские старожилы судят лишь по передаваемой из поколения в поколение фольклорной информации. Они отражают период, намного предшествовавший появлению казачьих «деревень» на Терек. Но эти последние (городки Червленной, Курдюков и более десятка других) упоминаются в русских источниках на левом

¹⁰ И. Кравцов, Указ. раб., стр. 10, 11.

¹¹ Мы покажем ниже несостоятельность попыток разместить искомые ориентиры в междуречье Терека и Сунжи, к чему, пусть с осторожностью, но все же склоняются Г. А. Ткачев, В. А. Потто, И. Кравцов и др. Не кажется нам удачной и интерпретация их в новейшей статье Л. Б. Заседателевой. Впрочем, она ближе предыдущих исследователей стоит к истине, пытаясь обосновать расположение первых «доставанных» поселений русских людей на правом берегу Сунжи.

¹² См.: И. Г. Гербер, Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г., Сб. «История, география и этнография Дагестана. XVIII—XIX вв.», М., 1958, стр. 60—61.

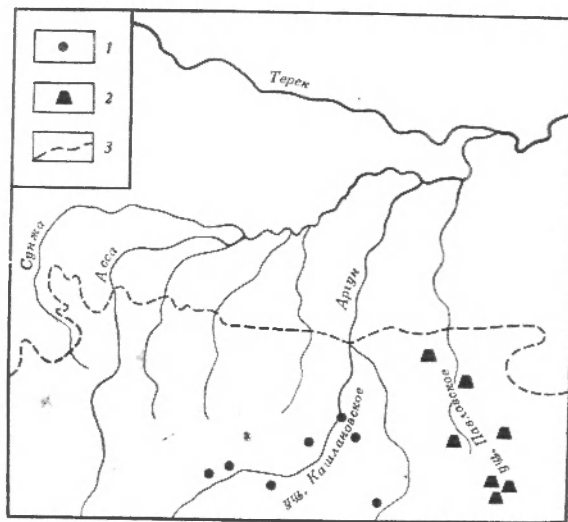
берегу Терека по крайней мере с 20-х годов XVII в.¹³ Следовательно, «первоначальное жительство» в гребнях и ущельях соответствует XVI в., ко второй четверти которого и появились на территории Чечено-Ингушетии «беглые российские люди». Фольклорная хронология тут полностью совпадает с исторической.

Но где же все-таки находились первоначальные места жительства беглых русских людей, ориентиры которых А. Ригельман узнал от старожилов, помнящих еще названия тех урочищ и ущелий, где поселились впервые их предки?

Прежде всего, источник говорит — «за Терком в гребнях [то есть в горах] и в ущельях, а именно в урочищах голого гребня». После этих общих сведений в обеих редакциях источника в определенной последовательности перечислены ориентиры, названные старожилами «первоначальным жительство» своих предков. Думается, что человек, объясняющий панораму местности, перечислил бы пункты слева направо, т. е. если стоять лицом к горам Кавказа, то с востока на запад¹⁴. Так поступили, по-видимому, и хорошо знающие местность информаторы А. Ригельмана.

В литературе утвердилось мнение, что название «гребенские казаки» произошло от Терского хребта, где якобы поселились первоначально русские люди. В более поздних источниках и литературе о гребенском казачестве невысокий хребет, протянувшийся по правобережью Терека, действительно часто называли Гребнем. Но в свидетельствах А. Ригельмана, очевидно, не случайно «за Терком» называется не гребень, а «гребни», «горы», «ущелья» во множественном числе. Поневоле приходится думать, что речь здесь идет отнюдь не о заурядной гряде возвышенностей Терского хребта, а о подлинных и многочисленных «гребнях» — хребтах северных отрогов Кавказских гор, лежащих южнее Сунжи. Однако соответствует ли наше понимание «гребней» тому, которое было в XVI — начале XVII в. (а не позднее!) и отразилось в источниках?

Как выясняется, вполне соответствует. В документе 1589—1590 гг. о русском посольстве в Грузию упоминаются Батцкие и Метцкие гребни¹⁵. Наименование Батцкие исследователи сопоставляют с национальным наименованием цова-тушин — бац-би, а Метцкие — с названием одного из вайнахских обществ в верховьях Аргуна¹⁶. Следовательно, в

Расселение гребенских казаков

1 — топонимы с «каш» в Аргунском ущелье; 2 — бауф в ущелье реки Хулхулау; 3 — граница Черных гор

¹³ См., например: «Кабардино-русские отношения XVI—XVIII вв.», т. 1, М., 1957, стр. 215, 226, 228, 256, 302, 303, 305, 315; «Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в.», Махачкала, 1958, стр. 192, и др.

¹⁴ В подтверждение приведем первую известную русскую карту Северного Кавказа 1719 г., выполненную именно по такому принципу (см. «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», т. 1, вклейка между стр. 388 и 389).

¹⁵ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом, М., 1889, стр. 128.

¹⁶ Е. Н. Кушева, Указ. раб., стр. 67, 68 (она приводит мнение ряда авторов).

обоих случаях подразумеваются высокогорные районы у перевалов через Главный Кавказский хребет. Хорошо известные терским служилым людям по посылкам в Мезежи 1618 г. мезежские (мерзойские в верховьях Фортанги) селения («кабаки») находились «в Пребнях под снежными горами»¹⁷.

В январе 1617 г. в степной части Кумыкии (Северный Дагестан), куда Терский хребет не заходит, собрался съезд местных феодальных владетелей «под Гребнями на подах»¹⁸. Ни одно из названных и других известных нам синхронных упоминаний гребней (вопреки разъяснениям Е. Н. Кушевой, данным в «Указателе географических названий»)¹⁹ не относится и не может относиться к Терскому хребту. В русских документах и представлениях второй половины XVI — начала XVII в. «гребни» («гребени») — это высокогорье, и чаще всего — северные склоны Кавказского хребта. Обитателей этих гор сами вайнахи²⁰ называют ламароями, что в переводе означает горцы. И в нашем документе, отражавшем предание XVI в., одна из групп вайнахов, вытеснившая первоначальных русских поселенцев, именуется «гребенчуки» (ламарои, горные вайнахи), т. е. называется термином, тождественным в географическом (но не в этническом!) смысле наименованию «гребенские казаки»²¹. Потому-то в документе хорошо осведомленного автора внесено в квадратных скобках важное уточнение «в Гребнях [то есть в горах]». Ясно, что в контексте записанного А. Ригельманом предания гребенских казаков под термином «Гребни» скрываются отроги собственно Кавказского хребта, лежащие южнее Сунжи.

Жилы русские беглые люди в частности в «урочищах голого гребня». Первый этнограф-чеченец У. Лаудаев, руководствуясь преданиями предков, упоминает о границе между чеченскими племенами и русскими поселениями, проходившей по северным отрогам Кавказских гор, где имеются «обнаженные вершины», которые по-русски можно назвать «лысыми горами»²². Он приводит народную версию о том, что нынешние так называемые Черные горы не всегда были покрыты лесом и лишь спустя некоторое время на них стали расти деревья, «обратившиеся в непроходимые леса». Если учесть, что аналогичные предания бытуют в народе до сих пор и их рассказывали нам, например, в Ножай-Юртовском и Шалинском районах²³, где информаторы связывали возникновение лесов со временем вторжения в равнинную Чечню калмыков (конец XVII — начало XVIII в.), то можно думать, что они отражают картину, реальную для XVI в. И «голый гребень» является воспоминанием, отголоском того времени, когда часть этих гор могла быть действительно «лысой».

Первым названным ориентиром является «ущелье Павлово при гребне», что сразу же вызывает ассоциации с источником святого Павла близ станции Петропавловской. Однако, он лежит на левом берегу Сунжи и потому в данном случае не может быть нашим ориентиром. Впрочем, источник святого Павла был в Чечено-Ингушетии не один. Под таким названием известны источники в 18 км к северо-западу от Гроз-

¹⁷ А. Н. Генко, Из культурного прошлого ингушей, «Записки коллегии востоковедов», т. V, М., 1930, стр. 685, 686, Е. Н. Кушева, Указ. раб., стр. 73—74.

¹⁸ Е. Н. Кушева, Указ. раб., стр. 57.

¹⁹ Там же, стр. 356.

²⁰ «Вайнахи» — дословно «наш народ» (чеченск. и ингушск.). В научной литературе термин введен для обозначения всей группы в целом.

²¹ В более поздней литературе XVIII в. гребенчуками иногда называли обитателей крупного вайханского аула Герменчук. Здесь налицо искажение названия (нужно: герменчуковцы). Но эти последние также выходцы из глубины гор, т. е. первоначально все-таки ламарои (горцы).

²² У. Лаудаев, Чеченское племя, «Сборник сведений о кавказских горцах», VI, Тифлис, 1872, стр. 2, 32, 33.

²³ Во время археолого-этнографических изысканий 1966—1971 гг.

ного близ Мамакай-Юрта, а также близ Брагунов. Разве исключено, что были и другие?

Но, может быть, прототипом названия данного ориентира послужил некий созвучный местный топоним? С большой осторожностью высказжем предположение, что Павловым ущельем могло именоваться у первых русских поселенцев ущелье реки Хулхулау. К такой мысли можно прийти, если учесть, что Ичкерия, т. е. восточная часть горной Чечни, в целом очень бедна позднесредневековыми вайнахскими башнями, особенно боевыми. Их тут практически нет. И лишь в районе ущелья Хулхулау исторически, лингвистически и археологически засвидетельствованы боевые башни у Ца-Ведено, Харачоя, Эрсеноя, Хоя, Кезеноя и в других местах. Здесь известны топонимы, прямо связанные с боевыми башнями, как Бiав-корт, Бiав-тiа и т. д. К слову сказать, ущелье Хулхулау и идущие из него в горный Дагестан перевальные дороги стали очень рано известны русским; еще во второй половине XVI в. этими путями осуществлялись связи и контакты с Аварией, ее ханом и родственником его Черным князем. Нет ничего невероятного, что сравнительно богатая боевыми башнями долина Хулхулау могла именоваться у части вайнахов «Бiавлой-чiож» — «Бiавлойское» ущелье. Несомненно близкое созвучие названия «Бiавлойское» лично-именному топониму «Павловское», возможно, вызвало появление данного ориентира в преданиях гребенцов и в исследуемой рукописи.

Подобных примеров переосмысления русскими туземных топонимов и стремления связать их с личными именами истинных и легендарных первопроходцев на Северном Кавказе можно найти множество, и едва ли не самый яркий (и к тому же географически близкий нашему) из них — это превращение названия кумыкского аула Эндери («место обмола зерна») в аул Андрей²⁴.

Но есть ли основания предполагать наличие русского населения в какой-либо части ущелья Хулхулау (Бiавлойского — Павловского) на заре истории гребенских казаков? Думаем, что есть. Известны многочисленные и разнообразные предания (казацкие и чеченские), суть которых сводится к бесспорному признанию необычайно тесных, длительных отношений гребенцев станицы Червленной и чеченцев-гуноевцев, живших по водоразделу Хулхулау и Гумса. Не станем пересказывать эти предания, многократно записанные и у тех, и у других²⁵. Отметим только: тесные родственные связи гуноевцев и гребенцев-червленцев — общеизвестный факт. Сто лет назад потомки гуноевцев составляли около половины всех казаков, живущих в Червленной²⁶. К сожалению, изначальные предания об установлении родственных взаимоотношений между гребенцами и гуноевцами были затемнены позднейшими сообщениями о постоянном бегстве чеченцев к казакам. В тех фольклорных вариантах, от содержания которых веет древностью, мы находим важные указания на то, что гуноевцы поддерживали дружественные связи с предками червленцев еще до того, как первые стали исповедывать ислам²⁷. Если учесть, что обитатели Ичкерии предстают в русских письменных источниках конца XVI в. мусульманами, то установление связей между гу-

²⁴ См., например: В. Броневский, История Донского войска, ч. 1, СПб., 1834, стр. 61; И. Дебу, О Кавказской линии, СПб., 1829, стр. 90.

²⁵ См., например: И. М. Попов, Ичкерия, «Сборник сведений о кавказских горцах», IV, Тифлис, 1870, стр. 12—13; У. Лаудаев, Указ. раб., стр. 58; С. Головинский, Записки о Чечне и чеченцах, «Сборник сведений о Терской области», вып. 1, Владикавказ, 1878, стр. 245; Н. Семенов, Письмо к редактору газ. «Терские ведомости», 1887, № 34; Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 49—51; Н. П. Гриценко, Из истории экономических связей и дружбы чечено-ингушского народа с великим русским народом, стр. 30—32; А. А. Саламов, Из истории взаимоотношений чеченцев и ингушей с Россией и великим русским народом, «Изв. Чечено-Ингушского НИИ», т. III, вып. 1, Грозный, 1963, стр. 28, и другие работы.

²⁶ И. М. Попов, Указ. раб., стр. 12, 13.

²⁷ Б. А. Калоев, Указ. раб., стр. 50, 51.

ноевцами и гребенцами придется отнести ко времени более раннему. И это соответствует времени, когда, согласно нашему документу, гребенцы жили в некоем Павловском ущелье.

Особые взаимосвязи гуноевцев и гребенцов, на наш взгляд, подтверждают гипотезу о том, что вайнахи приютили первых русских поселенцев в родном ущелье, которое русские стали называть «Павловское».

Правда, приводя сведения из книги А. Ригельмана, И. Кравцов отождествляет «ущелье Павлово» с урочищем Павлова-щель и Павлов-камень, которые известны во второй половине XVIII в. в районе Терского хребта²⁸. Топонимы эти явно связаны с русским именем Павел. Но ведь и сам А. Ригельман полагал, что «онные урочища звания свои получили от начальников тех беглецов». Не нужно, однако, забывать: в топонимии широко распространен принцип переноса традиционного названия села, местности или реки на новые места, освоенные людьми одной и той же этнической группы. Так что вполне возможно предположение: первоначальный «гребенской» (горский) ориентир, осмысленный в связи с именем Павла (БПавловское — Павловское ущелье) переносился затем неоднократно казаками на новые места их жительства. Надо отметить, что нигде больше на территории Чечено-Ингушетии не встречается такое частое повторение (перенос) наименований населенных пунктов, как в Ичкерии и прилегающих к ней с севера районах.

Мы привели свои соображения в пользу отождествления топонима «Павлово ущелье» с долиной реки Хулхулау. Думаем, что они достаточно основательны, особенно если сопоставить их с последующими соображениями анализируемого нами источника.

Второй «именной» ориентир в документе — ущелье Кашланавское, которое мы склонны считать Аргунским ущельем. Оно также стало известно русским одним из первых в Чечено-Ингушетии.

В отписках русских воевод и в делах о посольских сношениях русского правительства с Кавказом часто упоминаются «горские земли» и, в частности, Шибуты (Шатоевская котловина южнее слияния рек Шаро и Чанты-Аргуна называется аварцами Шубути, так же называли Шатой старики-чеченцы) и Мулки (тайповое название жителей Гухойского ущелья, расположенного южнее Шатоя по левой стороне реки Чанты-Аргуна).

Е. Н. Кушева приводит ряд документов, где в челобитных и различных отписках конца XVI — начала XVII в. речь идет о землях шибутов и мулков²⁹.

Грузинские послы в 60-х годах XVII в. проезжали мимо заброшенного города Чечен, расположенного у реки Чечени, о котором рассказывали в Москве, что там был город — «великих государей ...российских», но не могли сказать, когда. Послы сообщили, что находится город в двух с половиной днях пути от тогдашнего Терского города и в одном дне пути от «Туш», т. е. Тушетии. Е. Н. Кушева, подчеркивая, что другие осведомленные источники не упоминают город Чечен, предполагает, что он был построен еще при Иване Грозном во время одного из длительных походов русских войск 1563 или 1566 г. как опорный пункт для отношений Москвы с Кахетией³⁰. Но, возможно, этот «город» (неизвестный русским официальным документам) был построен или освоен русскими людьми до того, как «великие государи российские» наложили свою руку на все русские поселения в Чечне?³¹

²⁸ И. Кравцов, Указ. раб., стр. 14, 15.

²⁹ Е. Н. Кушева, Указ. раб., стр. 61, 62, 72, 73.

³⁰ Там же, стр. 241.

³¹ М. А. Полиевктов осторожно склонялся к этой мысли, полагая, что «город Чечен» указывает «на одно из поселений гребенских казаков» (см.: М. А. Полиевктов, Экономические и политические разведки Московского государства XVI в. на Кавказе, Тифлис, 1932, стр. 23).

И не был ли он одним из тех, самых ранних русских поселений XVI в., о которых У. Лаудаев писал: «весьма вероятно, что окопы (рвы и валы.— В. В., Т. М.) эти сооружены русскими. Чеченцы вполне в этом уверены. Так, например, курган Гойтен-Корта, около Аргуна, в Большой Чечне, коего окопы совершенно и теперь целы. Говорят, что он был сосредоточением для русских, оставшихся долее других в Чечне (речь идет о времени, предшествующем уходу русских на Терек.— В. В., Т. М.). В Мартанском и Гойтенском ущельях тоже существовали их окопы, чеченцы находили в них серебряные и медные деньги»³².

Возможно, что рвы Гойтен-Кортинского городища и сопоставляются с остатками «города Чечен».

О том, что чеченцы Аргунского ущелья довольно рано познакомились с русскими, говорит и тот факт, что до сих пор сохранились предания о варадийцах (Варанды — селение в Аргунском ущелье, засвидетельствованное письменными источниками XVI—XVII вв.), как о потомках некоего русского населения, жившего прежде в этих местах. Чеченцы породнились с этими христианами-русскими и поддерживали с ними дружбу и родственные связи столь крепкие, что когда их начали силою «приводить» в мусульманство, то варадийцы дали жестокий бой и, потерпев поражение, частично переселились в гребенские станицы к прежним своим русским соседям, друзьям и родичам³³.

У. Лаудаев, в свою очередь, приводит предание о некоем русском первопроходце в Чечне Тарасе, который остался здесь и не ушел со всеми русскими на Терек. Он был убит двумя зумсоевцами (из высокогорных аргунских фамилий)³⁴.

В «Описании...» сказано, что после ухода русских перечисленные в документе места заняли чеченцы (первоначально — жители Чечен-Аула) и гребенчуки, под которыми скорее всего подразумеваются ламаройцы, т. е. горцы — жители Аргунского ущелья. Но как объяснить попавшее в документ название «Кашланавское ущелье»? В этом наименовании мы видим топоним, возникший на основе термина «каш», издревле заимствованного горцами у тюркоязычных народов³⁵. «Каш» — могила, «ла» — вайнахский словообразовательный суффикс, «н» — суффикс родительного падежа, «овск» — русское окончание. Следовательно, это название можно перевести как ущелье «могильников».

В Аргунском ущелье по сравнению с другими ущельями необыкновенное множество разнообразных могильников и кладбищ со склепами, пещерными усыпальницами и т. д.³⁶ В местной топонимике мы находим небывалое для Чечено-Ингушетии обилие названий, которые связаны со словом *каш* (могила): Кешты (Зумсой), Кашите (Терлой), Кеш-ын (Шатой), Кеш-ын (Гатын-Кале), Кашнехъ (Малхиста), Кешите (Шарой) и т. д.³⁷ Обилие подобных топонимов могло породить своеобразное общее название для всего Аргунского ущелья — Кашланавское (русский вариант). Это наименование, возможно, не было широко распространено, но запало в память тех русских, что некогда забрели сюда. Так, по нашему мнению, решается вопрос о локализации Кашланавского ущелья.

³² У. Лаудаев, Указ. раб., стр. 43.

³³ Предание записано В. Б. Виноградовым в 1959 г. Оно подтверждено информацией ст. научного сотрудника Чечено-Ингушского НИИ, этнографа А. А. Исламова и теми краткими публикациями, что имеются в старой кавказоведческой литературе.

³⁴ У. Лаудаев, Указ. раб., стр. 43.

³⁵ А. Н. Пенко относит это заимствование к половецкой эпохе (указ. раб., стр. 714).

³⁶ В. Б. Виноградов, В. И. Марковин, Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР, Грозный, 1966.

³⁷ См., например: «Чеченская автономная область. Основные статистические данные и список населенных мест на 1929—1930 гг.», Владикавказ, 1930.

Определить местонахождение «Пименавского дуба» затруднительно. Л. Б. Заседателяева отождествляет его с селением Дуба-Юрт. Отождествление, прямо скажем, спорное. По-видимому, автора ввело в заблуждение созвучие этих названий. Но Дуба — это личное имя легендарного основателя селения и к русскому названию породы деревьев никакого отношения не имеет. В документе же, очевидно, речь идет о реально существовавшем дереве, возможно, называвшемся по имени некоего Пимена. Ведь приведена же У. Лаудаевым чеченская легенда о гибели русского Тараса у векового дуба. В подобных трагических или каких-либо иных ситуациях дерево и могло получить свое название. К тому же в документе Пименавский дуб хотя и назван вслед за Кашланавским ущельем, но далее следует пояснение: «который и донныне ниже Балсур или Ортан реки». Два последних ориентира имеют для нас принципиальное значение. И вот почему. Они, как и названия чеченских групп, поселившихся на местах прежнего обитания русских, недвусмысленно указывают на правобережье Сунжи. Необходимо отметить, что соображения о первоначальном поселении гребенских казаков на правом берегу за Сунжей высказывались в различных трудах по истории казачества³⁸, впрочем без серьезной аргументации. По-видимому, ни один из этих авторов не располагал достаточно достоверными данными по этому поводу, и конкретных сведений, за исключением У. Лаудаева, привести не мог. Что же дает нам право уверенно отстаивать правильность данного тезиса?

Бесспорно, что Ортан-река — это река Мартан. Потеря первого носового звука «м» вполне естественна при восприятии иноязычного слова на слух. Что же за река Балсур? Интересно, что в «Описании...» название этой реки присутствует еще в слове «балсурцы» — горцы, те, что вытеснили гребенских казаков из мест изначального обитания. Тут же поясняется — «балсурцы, или карабулаки». Здесь и таится ключ к решению задачи.

С. С. Броневский пишет: «...однако Татары и Черкесы зовут их (карабулаков.— В. В., Т. М.) Бальсу (сыта, медовая вода). Они имеют в своем владении шесть речек, впадающих в Шаднер и Фартам или прямо в Сунжу. Бальсу есть одна из тех речек, и, как выше сказано, при ней построена была церковь и подворье нашими духовными... В их же землях находятся ручьи Ашган, Валарек и Чалаш, впадающие в правый берег Сунжи, ниже Фартама, по оным карабулаки свои выгоны для скота имеют»³⁹. Названные реки Шаднер, Фартам, Чалаш, Валарек и др. представляют собою речную систему правобережья р. Сунжи, т. е. р. Ассу с ее притоком Фортангой, реки Шалаж, Валарек и др. Имя Бальсу обозначает у С. С. Броневского также одну из рек этой системы, причем скорее всего пограничную для земель карабулаков (как погранична с запада Шаднер-Асса), ибо иноязычное наименование племени (Бальсу — балсурцы) было порождено, вероятно, названием пограничной реки, а Бальсу — тюркско-кумыкский гидроним, свидетельствующий о близости объекта наших поисков к зоне кумыкской активности. Этой характеристике ближе всего отвечает река Гехи — крупный правый приток Сунжи в среднем ее течении — и самая восточная из всех речек в границах исторических владений карабулаков.

Однако наша догадка так и осталась бы в сфере предположений, если бы мы не располагали доказательством этого тождества. Его представляет нам «Карта реке Терку и по части Малой Кабарды и Грузии»⁴⁰,

³⁸ См., например: У. Лаудаев, Указ. раб.; И. Д. Попко, Терские казаки с стародавних времен, СПб., 1880; В. А. Потто, Указ. раб., Л. Б. Заседателяева, Указ. раб.

³⁹ С. С. Броневский, Новейшие географические и исторические известия о Кавказе, М., 1823, ч. II, стр. 167, 168.

⁴⁰ В. Н. Гамрекели, Документы по взаимоотношениям Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке, Тбилиси, 1968, стр. 118—119 (карта).

составленная в 1733 г. Ее значение для нас особо велико потому, что карта составлена приблизительно в одно время с «Описанием...». Указанная на карте Сунжа принимает с правого берега три притока. Два крайних притока, не имеющие на карте наименования, представляют собой две реки: Ассу, течение которой несколько изменено, и Аргун, где автор помещает «чеченцев», явно имея в виду жителей селения Чечен-Аул, расположенного на этой реке. Где-то в середине между этими реками обозначена «река Балсу, на которой 100 деревень». Из всех многочисленных притоков Сунжи, принимаемых ею в этом районе, с правой стороны под названием Балсу может фигурировать только р. Гехи — самая полноводная и протяженная — располагающаяся как раз посередине между Ассой и Аргуном. Таким образом, на наш взгляд, подтверждается тождество упоминающейся в «Описании...» речки Балсур с нынешней рекой Гехи⁴¹.

Перечисление всех разобранных выше ориентиров завершается в «Описании...» словами «при Терке реке же». На первый взгляд, они как будто бы противоречат нашим построениям о локализации пунктов первоначального расселения гребенцов к югу от Сунжи (ведь сама Сунжа в источнике не упоминается!). Но в документе отсутствует название Сунжи и как южной границы гребенцев. Да и вовсе не обязательно было упоминать Сунжу, если все остальные ориентиры указывают на земли, лежащие в бассейне крупнейшей реки края — Терека, притоками которого были и Сунжа, и все прочие реки и речки.

«За Терком» — значит к югу от прославленной реки. «В Гребнях» — значит (в понимании первопроходцев) в горах, что вздыбились над южными притоками Терка. А все иные более частные названия — они и есть «при Терке реке ж».

Главная река, вокруг которой группируются все прочие местности, как бы олицетворяет весь близлежащий край. Ведь не случайно в древнейшей гребенской песне Ивану Грозному приписаны слова:

«Подарю вас, моих казаченьков,
Быстрым Терком со притоками,
Ай, быстрым Терком со притоками,
Ай, до синя моря до Каспийского»⁴².

Не случайно и то, что в 1570 г. русскому послу в Константинополе Новосильцеву для характеристики обширности земель большого князя Кабарды Темрюка, охватывавших к стати и часть правобережья Сунжи, достаточно было сказать: «По Терке по реке и до моря»⁴³.

⁴¹ Нас не должно смущать, что тот же С. С. Броневский в другом контексте называет р. Гехи, не именуя ее Бальсу. Здесь мы имеем дело с ошибкой автора, ибо по его характеристике р. Гехи является левым притоком Русского Мартана и на нем названо всего 5 деревень. Но левым притоком Мартана, причем как раз небольшим, является р. Рошня, название которой отсутствует у С. С. Броневского. Река Рошня находится близко от Гехи и путаница тут у С. С. Броневского вполне возможна. Знакомство же его с вайнахским названием Гехи несколько не противоречит тому, что эта же самая река (подобно Ассе и многим другим) имела два разных названия: одно чеченское (Гехи), другое тюркское (Бальсу).

Здесь же нужно вспомнить и о некоей неизвестной нам речке Топли, упомянутой в сочинении И. Дебу (Указ. раб., стр. 154, 155). По словам этого автора, «... При нем (р. Топли.— Авт.) жили прежде гребенские казаки». Ценность этого сообщения состоит в том, что местность р. Топли названа между Чалаш (Шалажа) и Гехи, т. е. все в том же районе близлежащих окрестностей Балсур (Гехи) и Ортан-реки (Мартан). «Окопы» первых русских поселенцев упоминает в Мартанском и соседнем ему Гойтинском ущельях и У. Лаудаев. Возможно, что все эти глухие отголоски подлинного пребывания гребенцов в данном районе в какой-то мере объясняют и упорное наименование Мартана «русским» (Русский Мартан, а в тюркском произношении—Урус-Мартан).

⁴² Б. Н. Путилов, Песни гребенских казаков, Грозный, 1946, стр. 63.

⁴³ См.: Е. Н. Кушнев, Указ. раб., стр. 92.

Сведения А. Ригельмана восходят к самым ранним пластам гребенского фольклора и к самым первым представлениям русских об освоенной ими местности. Пройдет совсем немного лет, и представления эти расширятся, станут более конкретными, подробными, полными. На страницах официальных документов, на картах найдут свое место и Сунжа, и Аргун, и Хулхулау и многие традиционные и более верные названия местных рек и урочищ. Но долго еще будут (реже или чаще) употребляться и «не стандартные» названия (то Аргун назовут Быстрой, то Джалку — Камышовой, то Хулхулау — Белкой и т. д.). И эти кажущиеся вольности простительны и объяснимы, ибо они — отголосок первых контактов с объектами; тех контактов, которые определили появление в посольском статейном списке 1589 г. и в еще более раннем изустном гребенском предании таких не прижившихся впоследствии названий местностей, как Нижняя и Ровная Луки, Холопьевское городище, Павловское и Кашланавское ущелья, Пименавский дуб. Но, кроме всего остального, в этом и состоит ценность проработанных нами источников. Они донесли до нас память о давно и полностью забытом, позволили (пусть лишь едва!) приобщиться к той далекой эпохе, в которую возникли на земле вайнахов первые русские хутора; когда по горам и весям Чечено-Ингушетии прокладывали тропы первые русские люди. Они позволили нам еще раз задуматься над всей глубиной тех взаимосвязей с горами, что определили своеобразие истории, быта, культуры, облика гребенцов, о которых Л. Н. Толстой, опираясь на их же собственный фольклор, писал: «Очень, очень давно предки их ... бежали из России и поселились за Терекон, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни... Живя между чеченцами, казаки породнились с ними, но удержали и там христианскую веру и русский язык. Еще до сих пор казацкие роды считаются родством с чеченскими»⁴⁴.

ON THE ORIGINAL AREA OF SETTLEMENT OF THE GREBEN COSSACKS

«Description of the Greben Cossacks» (a manuscript in the custody of the Central State Archive for ancient documents in Moscow) is analyzed in the article for the first time. This document is kept in the G. F. Miller fund. It belongs to the 1740-ies but is based on earlier folklore material. Analysis has made it possible to ascertain the authorship of the document (which turned out to be by A. Riegelman, the first historian of the Cossacks) and also to determine the area originally settled by the «runaway people from Russia». It appears that they did not reside along the Tersk ridge but in the foothill zone of the modern Tchetchnia to the south of the Sunzha River.

⁴⁴ Л. Н. Толстой, Собр. соч., т. 3, стр. 164.